

Междисциплинарные исследования

УДК 340.137.3

Ю.С. Безбородов

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СВОБОДЫ СЛОВА В УНИВЕРСАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ГРАНИ РАЗУМНОГО

В теории права свобода слова, имеющая давнюю историю становления, продолжающуюся и сейчас, с кристаллизацией этой свободы международными институциями, остается самым важным и необходимым элементом функционирования гражданского общества и построения правового государства. В правовой плоскости будучи изначально закрепленной на международном уровне – универсальном и региональном – эта свобода сталкивается с серьезными препятствиями в реализации и защите именно на национальном уровне, где она зачастую вступает в противоречие с другими правами и свободами, в том числе свободой вероисповедания, а также с зачастую трудно устанавливаемыми интересами социума и государства. Одним из фундаментальных вопросов, связанных с реализацией свободы слова, является вопрос абсолютности и ограниченности этой свободы. Установленные нормативно и выработанные практикой на универсальном и европейском региональном международно-правовом уровне ограничения свободы слова связаны с соображениями нравственности, социальными интересами и ценностями, необходимостью и безопасностью. Эти выработанные на разных уровнях регулирования подходы взаимосогласованны и дополняют друг друга, выстраивая столь необходимую общему международному праву парадигму в единообразном понимании прав и свобод человека. Несмотря на установленные ограничения на практике продолжают возникать противоречия и недопонимания, связанные с реализацией свободы слова на национальном уровне. В статье предпринята попытка соотнести свободу слова с ограничениями этой свободы со стороны государств, связанными с интересами безопасности, нравственностью и моралью. Предложен действенный способ разрешения проблемы ограничения свободы слова и отграничения ее от других свобод: повышение ответственности государств за нарушение прав и свобод человека через изменение ее формы и усиление юрисдикции уже существующих международных органов по защите прав человека, особенно конвенционных.

Ключевые слова: личность, право, государство, стандарты, теория права, практика, реализация, свобода слова, права человека, ограничения, соотношение.

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-4-721-728

Первые доступные для научного анализа представления о гражданском обществе и его свободах начали формироваться в рамках европейской, эллинской цивилизации (наследником которой является и Российская Федерация) еще до нашей эры, когда в V в. в Афинах возникло само понятие свободы. В основе древнегреческих представлений о свободе находится такая категория, как «*элементарикон*» – состояние «свободного по природе» человека (гражданина полиса), основанное на достоинстве, независимом образе мыслей, благородстве, великодушии, щедрости и бескорыстии. Кроме того, абстрактные представления античных философов о свободе также базировались на понятиях «справедливость» и «право». Например, Демокрит считал, что «свобода выступает в роли жизни “по правде”, а ее основу составляет то, что существует в природе» [17]. По мнению Сократа, свобода – это свойство «прекрасного и величественного достояния, предопределенного доминированием разумных и справедливых законов, основанных на знании истины» [17]; он полагал, что свободы граждан, как и их права, должны быть подробно урегулированы законом, поскольку «незнание закона не освобождает от ответственности за нарушение» [15]. Известна история, когда Сократ, обращаясь к присяжным на суде, заявил: «Если вы предложите мне свободу при условии, что я больше не буду высказывать свое мнение, ... то я должен вам ответить – афиняне, я подчиняюсь богам, а не вам» [24]. Тем самым Сократ возводил свободу слова в ранг естественного права, имманентного человеческой природе.

Платон, развивая учение Сократа и утверждая закон как способ выражения свободы, писал: «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги» [15].

Юридическое закрепление свободы слова на национальном уровне, как и защита этого права, связано с началом периода европейских революций, одним из значительных последствий которых является помещение прав и свобод человека в основу функционирования государств и обществ. Так, Декларация прав и свобод гражданина, оформившая итоги Великой Французской революции в 1789 г. и закрепившая естественные свободы (слова, убеждений) и права (на сопротивление угнетению) личности, в 2003 г. была включена ЮНЕСКО в общемировой реестр «Память мира» [25]. Однако первым национальным актом, закрепившим свободу слова, считается продолжающий действовать английский Билль о правах 1689 г. Что касается свободы прессы, то первым актом, закрепившим конкретно это право, считается соответствующий шведский закон 1766 г. Расширение законодательной практики гуманитарной направленности в мире на уровне национальных правовых порядков (в большинстве своем – европейских) как тенденция обозначилось только в начале XIX в., с созданием разветвленного национального законодательства, обеспечивающего и защищающего права человека, в том числе свободу печати [2].

В XX в. юридическая практика государств пошла по такому пути, когда, с одной стороны, национальные правовые нормы гарантировали возможность выражения своих взглядов и суждений, но в то же время, с другой стороны, ограничивали (и продолжают ограничивать) данную область прав, в том числе с помощью цензуры – узаконенной или скрытой, требованиями соответствия нравственности и интересам безопасности.

Закрепление свободы слова на правовом уровне: история и содержание

Свобода слова, будучи одной из фундаментальных гуманитарных основ международного права, впервые была закреплена на универсальном уровне – сначала в ст. 19 Всеобщей декларации о правах человека 1948 г. («Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ»), а затем в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах («1. Каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений. 2. Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати, или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору...»). Однако до этого закрепления на международно-правовом уровне важность и необходимость этой свободы как одной из четырех фундаментальных свобод была манифестирована для западного мира Ф. Рузвельтом в самом начале 1941 г.: «Первая – это свобода слова и высказываний – повсюду в мире. Вторая – это свобода каждого человека поклоняться Богу тем способом, который он сам избирает – повсюду в мире. Третья – это свобода от нужды, что в переводе на понятный всем язык означает экономические договоренности, которые обеспечат населению всех государств здоровую мирную жизнь, – повсюду в мире. Четвертая – это свобода от страха, что в переводе на понятный всем язык означает такое основательное сокращение вооружений во всем мире, чтобы ни одно государство не было способно совершить акт физической агрессии против кого-либо из своих соседей, – повсюду в мире» [21].

Свободы, права человека и гуманитарные стандарты формируют особый международно-правовой режим, все компоненты которого взаимосвязаны и взаимозависимы, поэтому свобода слова коррелирует с независимостью СМИ, плюрализмом мнений, правом на информацию – всем тем, что создает фундамент для функционирования гражданского общества и правового государства. При этом ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП) запрещает ограничивать свободу «искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи», что можно толковать как наложение особых обязанностей и особой ответственности. Право на самовыражение «может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые должны быть установлены и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения».

Свобода слова *per se* является общеправовым и социальным явлением, необходимым элементом любого гражданского общества и правового государства. Свобода слова – многоуровневая по своей природе. Прежде всего, она является субъективным правом непосредственно, правом, принадлежащим каждому дееспособному индивиду: «каждый человек имеет право...». Далее, свобода слова

подразумевает под собой и предполагает конкретное право «...искать, получать и распространять...» информацию. Распространение информации и идей является самым очевидным компонентом свободы слова, предполагающим трансляцию своих собственных мыслей и убеждений вне. При этом свобода слова распространяется на выражаемые информацию и идеи, факты и убеждения, которые могут быть распространены во внешнюю объективную реальность разными способами. Комитет по правам человека ООН в Замечаниях общего порядка № 34 особенно подчеркнул это: «10 Пункт 2 статьи 19 подлежит истолкованию, как охватывающий любые формы субъектных идей или мнений, которые могут быть переданы иным лицам и не противоречат п. 20 Пакта, любые формы новостей и информации, в том числе, коммерческого и рекламного характера, любые формы произведений искусства и т. д. Положения этого пункта не должны ограничиваться средствами политического, культурного или художественного выражения» [12].

Свобода слова в современном обществе может быть реализована «...любыми средствами...» и способами: посредством создания произведений искусства, в СМИ, в периодике, в книгах, посредством радио, телевидения, Интернета и других глобальных информационных сетей. Отличительной особенностью права на свободу слова и выражения убеждения, в отличие от других прав и свобод, является то, что оно – право – налагает на государства не только негативные, но и позитивные обязательства: признавшие свободу на международном и национальном уровне не только воздерживаются от вмешательства в ее реализацию, но и принимают необходимые меры для устранения препятствий в реализации этой свободы. Это достаточно широкое по своему содержанию положение четко закреплено в ст. 2 МПГПП, согласно которой все государства-участники обязуются «уважать и обеспечивать всем лицам... права, признаваемые в этом Пакте». Поэтому государства-подписанты должны учитывать все изменения в информационных и коммуникационных технологиях, таких как появление и распространение Интернета и социальных платформ и средств связи, которые заметно изменили в XXI в. формы социального взаимодействия во всем мире.

В европейском правопорядке – более либеральном по своей сути в сравнении с универсальным (это утверждение легко доказуемо хотя бы отношением к смертной казни: европейские гуманитарные стандарты, закрепленные в ЕКПЧ и Протоколам к ней, идут по пути полного отказа от применения этой противоречащей принципам гуманизма практике), устанавливаемым в большинстве своем на уровне ООН – важность свободы слова в социальном и практическом аспекте сложно переоценить. Организационно (и относительно прав человека, свобод и демократизации общества) европейский правопорядок воплощен в Совете Европы – одной из старейших организаций этого континента. Для членов этой организации, на которых распространяется и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – ЕКПЧ), в том числе для Российской Федерации, выработана система и специальный механизм оценки соблюдения обязательств, принятых на себя при вступлении в организацию (в 1993 г. главы государства и правительств стран-членов Совета Европы на Венской конференции провозгласили, что «гарантированное соблюдение свободы выражения мнения, и особенно свободы средств массовой информации, должно, по нашему мнению, и в будущем оставаться основным критерием при оценке заявлений стран с просьбой о вступлении в Совет»). Одним из обязательств со стороны государства является предоставление гражданам в полной мере возможности пользоваться всеми правами и свободами, которые закреплены в конвенции.

ЕКПЧ, являясь основным и первичным актом, закрепляющим права граждан государств-членов Совета Европы, предписывает: из свободы слова возникает право общества «знать» и обязанность государства воздерживаться от мер, ограничивающих такое знание. На сегодняшний день ЕКПЧ – это один из самых важных региональных международных договоров в сфере защиты прав человека, отличающийся от других региональных механизмов наличием уникального судебного механизма защиты этих прав. После принятия ЕКПЧ европейские правозащитные нормы были за десятилетия «...отшлифованы настолько, что в настоящее время весьма точно и подробно регулируют правоотношения в сфере основных прав и свобод» [1].

Статья 10 ЕКПЧ гарантирует каждому право свободно выражать свое мнение. Это право и обязательство одновременно направлено на защиту выражения мнения, независимо от содержания, осуществляемого физическим лицом, группой лиц или СМИ. Мнение может быть выражено не только вербально, но и посредством художественного или артистического произведения. Поэтому ЕКПЧ защищает не только содержание слова и мнения, но и методы распространения, и форму, в которой они выражены.

Часть 1 ст. 10 ЕКПЧ включает в себя триаду, непосредственно образующую свободу выражения: 1) свободу придерживаться своего мнения; 2) свободу получать информацию и идеи; 3) свободу распространять информацию и идеи. Первый элемент триады является первичным условием для двух других: защита свободы придерживаться своего мнения носит абсолютный характер, а «любые ограничения, налагаемые на данное право, несовместимы с природой демократического общества» [5].

В одном из базовых и основных дел по ст. 10 «Хендисайд против Великобритании» в своем решении Европейский суд по правам человека сделал вывод о том, что свобода выражения взглядов составляет основу демократического общества, в составляющую которой входит свобода выражения мыслей не только тех, которые хотят слышать, но и тех, которые способны вызвать возмущение и общественный резонанс. Также судом был сформулирован подход, в соответствии с которым всякое ограничение свободы, допускаемое Европейской конвенцией «на усмотрение государства», должно быть пропорциональным преследуемой цели. По мнению Европейского суда, «национальные власти правомочны поступать так, как считают нужным в ограничении права на свободу слова, но при этом их действия все равно будут подконтрольны Европейскому суду по правам человека» [14].

Европейский суд посчитал, что «реализация свободы распространения информации в полном объеме предполагает возможность свободной критики правительства, что в последствии является основным показателем свободного и демократического государства» [18]. Например, в деле «Лингенс против Австрии», когда журналист позволил себе резкие оценки действий канцлера республики и был осужден национальным судом за диффамацию, суд встал на сторону журналиста, и высказал следующее: «Хотя пресса и не должна преступать границы, установленные *inter alia* «для защиты репутации других лиц», тем не менее на нее возложена миссия по распространению информации и идей по политическим вопросам, а также по другим проблемам, представляющим политический интерес. Если на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, то общественность, со своей стороны, имеет право получать их». Кроме того, судом была высказана позиция по поводу способа подачи материала, которая заключалась в том, что «журналистам должна быть дозволена определенная степень преувеличения или даже провокационности» [6].

Общие принципы, в области свободы выражения мнения, были сформулированы в решении суда по делу «Обсервер» и «Гардиан» против Соединенного Королевства: «Защита интересов национальной безопасности не являлась более «релевантной причиной» для продолжения сохранения ограничений на свободу распространения информации заявителями, ибо она стала доступна из других источников. Свобода выражения своего мнения составляет одну из главных основ демократического общества... Эти принципы особенно важны в отношении прессы...» [22].

Право на свободу выражения мнения «включает в себя право искать, получать, передавать, публиковать или распространять информацию, представляющую общественный интерес» [13]. Также, в соответствии с Резолюцией № 428 (1970) ПАСЕ, «обязанностью прессы является распространение общей и полной информации, касающейся общественно значимых вопросов» [20]. Во многом благодаря такой позиции в 2020 г. суд принимает решение по делу ««Коммерсант» и другие против России» не в пользу последней [4].

Журналистские источники информации подпадают под охрану ст. 10 ЕКПЧ и являются объектом защиты: в деле «Гудвин против Соединенного Королевства», Суд указал на то, что «защита журналистских источников информации является одним из основополагающих условий свободы печати» [3].

Закрепленное в ч. 1 ст. 10 ЕКПЧ право на получение и распространение информации и идеи не препятствует государствам «вводить лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий».

В то же время, по мнению суда, право национальных властей регулировать систему лицензирования не может применяться по иным, не связанным с техническими вопросами, а также не должно препятствовать свободе выражения: «Каждый, кто пользуется правом выражения мнения, принимает на себя обязанности и ответственность, область действия которых зависит от ситуации и используемого технического средства» [8].

Часть 2 ст. 10 ЕКПЧ устанавливает случаи, обстоятельства и условия, при которых государства в лице их органов обладают правом на «усечение» свободы выражения мнения: «Вмешательство должно быть предусмотрено законом; вмешательство должно быть направлено на защиту интересов и ценностей; вмешательство должно быть необходимым в демократическом обществе». «Российская» практика ЕСПЧ последних дел демонстрирует расширение понимания государственными органами (в том числе

судебными) вмешательства и усечений свободы слова. Одни из последних дел – «ООО Regnum против России» [9], «Рашкин против России» [10] и «Тимаков и ООО “Рубеж” против России» [11], как и число обращений в ЕСПЧ против РФ свидетельствуют об усиливающейся политизации свободы слова в российском правовом пространстве и явном крене в сторону усечения этой свободы.

Пределы свободы слова и обязательства государств

Одним из фундаментальных вопросов, связанных с реализацией свободы слова, является вопрос абсолютности и ограниченности этой свободы. Впервые явленная западному миру в 1941 г. свобода слова зачастую замещается свободой фейковых новостей и искаженных идей, создающих пелену в сознании людей и препятствующих реалистичному взгляду на истинное положение дел в мире. Кроме того, все чаще свобода слова замещается псевдосвободами, искажающими ценности истинного либерализма, в том числе такими, как свобода распространения и пропаганды наркотиков, свобода коррупции, свобода разрушать институт семьи. Является ли свобода слова абсолютным правом или же существуют определенные границы, за которые лучше не заходить?

Довольно часто свобода слова и выражения мнения вступает в конфликт с нравственностью как она понимается на национально-правовом уровне. В этом случае, оправдываемом особенностями в понимании категории «мораль» на национальном уровне, суд предоставляет национальным властям достаточно широкие рамки усмотрения, как это было сделано в рамках дела «Мюллер и другие против Швейцарии», когда художником на выставке современного искусства были выставлены полотна, на которых запечатлены акты содомии, зоофилии и гомосексуализма. Суд тогда счел возможным вмешательство государственных органов в осуществление заявителем права на свободу выражения в демократическом обществе исключительно в целях защиты «нравственности» [7].

Особую актуальность в западном мире это дилемма приобрела в конце 2020 г. после нападков (и даже убийств) на лиц, допускающих опубликование карикатур на исламского пророка Мухаммеда. Свобода слова в современном мире непреодолимо вступает в противоречие с другими свободами: вероисповедания, личной жизни. Распространяется ли свобода слова на призывы к убийству, на реализацию порнографической продукции? Международное право (чаще всего посредством специальных правотворческих процедур, к коим можно отнести деятельность ЕСПЧ и некоторых специализированных органов ООН) задает определенные ориентиры для государств, которые могут легитимизировать или же нет наложение таких ограничений. В любом случае свобода слова выступает здесь в качестве общего генерализованного права, а ее «усечения», ограничения являются в большей степени исключениями. В силу положений МПГПП использование свободы может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, «которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения». Таким образом, МПГПП содержит универсальный и синтетический подход, в соответствии с которым вмешательство государства в права и свободы должно быть регламентировано законом; налагаемое ограничение должно соответствовать закону, направлено на достижение или преследование законной цели, признанной таковой международным правом; ограничению надлежит быть необходимым для защиты или преследования этой законной цели.

Нравственность как моральная и социально-правовая категория одновременно в этом правиле остается несколько размытой и сложно устанавливаемой на практике в процессе реализации. «Понятие нравственности складывается на основе многих общественных, философских и религиозных традиций, и, следовательно, установление ограничений [...] в целях защиты нравственности не должно основываться на принципах, вытекающих исключительно из одной единственной традиции. Любые подобные ограничения должны рассматриваться в контексте универсального характера прав человека и принципа недопущения дискриминации» [12]. Очевидно, что любые попытки сузить понимание нравственности, поставив во главу угла интересы одной группы людей интересами всеобщими [23], с большой вероятностью могут привести к еще большему социальному расколу и к стагнации демократических процессов в государстве.

Что касается интересов национальной безопасности как законного основания для ограничения свободы слова, то Комитет по правам человека ООН разработал так называемый трехчастный тест, в соответствии с которым «подавление демократического дискурса и прав человека не подлежит оправданию в силу соображений национальной безопасности». Ограничения на основании защиты на-

циональной безопасности оправданы лишь тогда, когда нация стоит на пороге угрозы ее «существованию, территориальной целостности или политической независимости», но не тогда, когда имеет место локальный конфликт или просто противоправная деятельность [16].

Сформулированные в практике международных судов и в договорных источниках международного права два ключевых принципа таковы: выражение мнения может быть вне закона, если оно: «1. намеренно наносило ущерб национальной безопасности; 2. существует четкая связь между выраженным мнением и вероятностью нанесения вышеуказанного ущерба» [19]. По мнению КПЧ ООН, требуется доказывание тесной связи между запрещенным высказыванием и нанесенным ущербом. Статья 20 (2) МПГПП требует от государств следующего: всякое преступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом. КПЧ ООН заявил, что между обязательством принять законы, согласно ст. 20 (2) МПГПП, и правом на свободу выражения убеждения нет противоречий: по мнению Комитета, требуемые запреты полностью совместимы с установленным в ст. 19 МПГПП правом на свободное выражение убеждения, осуществление которого предполагает особые обязательства и функции. В то же время КПЧ ООН подчеркнул, что «ограничения свободы слова, которые могут подпадать под ст. 20 Пакта, также должны быть разрешены в соответствии со ст. 19 (3), где изложены требования, позволяющие установить допустимость ограничений. Иными словами, национальные законы, принятые согласно ст. 20 (2) Пакта должны отвечать требованиям трехчастного теста, как и любые ограничения свободы слова.

Выводы и предложения

Свобода слова, как и остальные фундаментальные права и свободы, проистекающие из нравственно-философских основ эллинской цивилизации и юридически закрепленные в настоящее время на международном универсальном и региональном уровнях, а также в большинстве конституций государств мира, является залогом нормального функционирования и эволюционирования любого общества и любого государства. Человек – существо социальное, а потому коммуникативное по своей природе, нуждающееся как в общении, осмыслении и выражении собственных мыслей и идей, так и в переосмыслении ментальных рефлексий своих собратьев. Бесконтрольное и массовое нарушение этой свободы ведет к деградации социума и всей системы государственной власти, а потому является предтечей неминуемой гибели государств. С другой стороны, эта свобода, как и любые другие, не является абсолютной. Установленные нормативно и выработанные практикой на универсальном и европейском региональном международно-правовом уровне ограничения свободы слова связаны с соображениями нравственности, социальными интересами и ценностями, необходимостью и безопасностью. Эти выработанные на разных уровнях регулирования подходы взаимосогласованны и дополняют друг друга, выстраивая столь необходимую общему международному праву парадигму в единообразном понимании прав и свобод человека. Несмотря на установленные ограничения на практике продолжают возникать противоречия и недопонимания, связанные с реализацией свободы слова на национальном уровне. При этом такие противоречия в какой-то степени ставят под сомнение будущее всей европейской цивилизации, построенной на концепции мультикультурализма, которая дает явные сбои в последние годы. Очевидно, пришло время, когда стало жизненно необходимым найти баланс между свободой слова, соображениями нравственности и безопасности, и другими свободами, особенно свободой вероисповедания. Вполне вероятно, что одним из таких «рецептов» выхода западной цивилизации из тупика могло бы стать переосмысление и обращение (но не возвращение) к традиционалистским, а может даже и к раннехристианским основам социустройства, с учетом тех социо-культурных обстоятельств и особенностей, которые существовали на момент формирования международной гуманитарной системы (сразу после Второй мировой войны), и без крена в сторону религиозного мракобесия, что могло бы только усилить раскол.

Кроме того, залогом здорового и эффективного функционирования любого демократического государства является следование и соблюдение им тех международных обязательств, которые государства сами по своей воле взяли на себя. Подписывая и ратифицируя Пакты 1966 г., ЕКПЧ и Протоколы к ней, государства сами связали себя обязательствами гарантировать и соблюдать закрепленные в этих актах права и свободы. Поэтому любое нарушение договорных обязательств, как и нарушение принципа *pacta sunt servanda*, низвергает государство-делинквента до статуса преступника и правонарушителя. Такое положение вещей равно применимо ко всем участникам универсальных и регио-

нальных договоров правозащитной направленности (поскольку все государства в той или иной степени нарушают такие договоры), что свидетельствует об общей неблагоприятной картине, связанной с правами человека в мире. Самым действенным средством разрешения этой проблемы является повышение ответственности государств за нарушение прав и свобод человека через изменение ее формы и усиление юрисдикции уже существующих международных органов по защите прав человека, особенно конвенционных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глотов С.А. Конституционно-правовые проблемы сотрудничества России и Совета Европы в области прав человека. Саратов, 1999. 260 с.
2. Государственная уставная грамота. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/22157-gosudarstvennaya-ustavnaya-gramota-grossijskoy-imperii-berlin-1903#node/inspect/page/16/zoom/4> (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)
3. Дело «Гудвин против Соединенного Королевства»: Постановление Европейского Суда от 27 марта 1996 г., жалоба № 17488/90. URL: https://european-court.eu/uploads/ECHR_Goodwin_v_The_United_Kingdom_27_03_1996.pdf (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)
4. Дело «Коммерсант» и другие против России». URL: <https://european-court-help.ru/delo-37482-10-i-37486-10-kommersant-i-drugie-pr/> (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)
5. Дело «Леруа против Франции»: Постановление Европейского Суда от 2 октября 2008 г., жалоба № 36109/03. URL: <https://base.garant.ru/12167519/> (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)
6. Дело «Лингенс против Австрии»: Постановление Европейского Суда от 8 июля 1986 г. URL: https://european-court.eu/uploads/ECHR_Lingens_v_Austria_08_07_1986.pdf (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)
7. Дело «Мюллер и другие против Швейцарии». Постановление ЕСПЧ от 24 мая 1988 г., жалоба № 10737/84 URL: https://european-court.eu/uploads/ECHR_Muller_and_Others_v_Switzerland_24_05_1988.pdf. (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)
8. Дело «Обсервер» и «Гардиан» против Соединенного Королевства»: Постановление Европейского Суда от 26 ноября 1991 г., жалоба № 13585/88. URL: https://european-court.eu/uploads/ECHR_Observer_and_Guardian_v_The_United_Kingdom_26_11_1991.pdf (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)
9. Дело «ООО Regnum против России». URL: <https://european-court-help.ru/delo-22649-08-ooo-regnum-protiv-rossii/> (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)
10. Дело «Рашкин против России». URL: <https://european-court-help.ru/delo-69575-10-rashkin-protiv-rossii/> (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)
11. Дело «Тимаков и ООО «Рубеж» против России». URL: https://mmdc.ru/praktika_evropejskogo_suda/praktika_po_st10_evropejskoj_konvencii/timakov-i-ooo-rubezh-protiv-rossii-timakov-and-ooo-id-rubezh-v-russia/ (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)
12. Замечание общего порядка № 34, статья 19: свобода мнений и их выражения, Комитет ООН по правам человека, пункт 32, 102 сессия, Женева, 11–29 июля 2011 г.
13. Колмакова Т.Н. Международно-правовой аспект права каждого на свободу слова // Вестник Московского университета МВД России. 2016. С.27-30.
14. Комментарий к ЕКПЧ. URL: https://www.unodc.org/pdf/crime/terrorism/convention_overview/CoEt.pdf (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)
15. Материалисты Древней Греции. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. 239 с.
16. Материалы Комитета по правам человека ООН. URL: <https://www.article19.org/data/files/pdfs/tools/central-asian-pocketbook-ru.pdf> (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)
17. Муратов М.Я. Право на свободу слова (история и современность): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Марат Яшарович Муратов; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2002. 177 с.
18. Нудненко Л.А. Решения Европейского суда по проблемам реализации свободы слова // Конституционное и муниципальное право. 2013. С.46-49.
19. Общий комментарий № 11: Запрещение пропаганды войны и разжигания национальной, расовой или религиозной розни (ст. 20), от 20 июля 1983 г., см. U.N. Doc HRI /GEN/1/Rev. 6 at 133, п.2 36 Дело Ross V Canada, Communication, № 736/1997, 1 мая 1996 г., U.N.Doc CCPR/C/70/D/ 736/1997, п. 106 21.
20. Резолюция № 428 (1970) ПАСЕ. URL: <http://base.garant.ru/2559805/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)
21. Речь Ф. Рузвельта. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/chetire-svobody.php> (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)
22. Статья 3 Дополнительного Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 20 марта 1952 г.) (с изм. от 11 мая 1994 г.) ETS № 009. URL: <http://www.echr.europa.org/doc/2440801/2440801.htm> (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)

23. Федотова Ю.Е. Оскорбление религиозных чувств верующих и уголовный закон: работа над ошибками // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1 (35). С.199-205.
24. Plato's Apology of Socrates. URL: <https://www.sjsu.edu/people/james.lindahl/courses/Phil70A/s3/apology.pdf> (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)
25. Общемировой реестр ЮНЕСКО «Память мира». URL: <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/flagship-project-activities/memory-of-the-world/register/full-list-of-registered-heritage/registered-heritage-page-6/original-declaration-of-the-rights-of-man-and-of-the-citizen-1789-1791/> (дата обращения: 26 апреля 2021 г.)

Поступила в редакцию 02.06.2021

Юрий Сергеевич Безбородов, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры международного и европейского права
Уральский государственный юридический университет
620137, Россия, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21;
профессор кафедры теории и истории международных отношений
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
620000, Россия, Екатеринбург, ул. Ленина, 51
<https://orcid.org/0000-0002-5782-417X>
E-mail: yury.bezborodov@gmail.com

Yu.S. Bezborodov

LEGAL-THEORETICAL ANALYSIS OF FREEDOM OF SPEECH IN THE UNIVERSAL AND REGIONAL DIMENSION: THE EDGE OF REASON

DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-4-721-728

In the theory of law, freedom of speech, which has a long history of formation, continuing even now – with the crystallization of this freedom by international institutions, remains the most important and necessary element of the functioning of civil society and the building of the rule of law. In the legal plane, being initially enshrined at the international level – universal and regional – this freedom faces serious obstacles to its realization and protection at the national level, where it collides with other rights and freedoms, including freedom of religion, as well as with the interests of society and the state which are often difficult to establish. One of the fundamental issues related to the realization of freedom of speech is the question of the absoluteness and limitations of this freedom. Restrictions on freedom of speech, established normatively and developed by practice at the universal and European regional international legal level, are associated with considerations of morality, social interests and values, necessity and security. These approaches developed at different levels of regulation are mutually consistent and complement each other, building a paradigm that is much needed by general international law in a uniform understanding of human rights and freedoms. Despite the established restrictions, in practice, contradictions and misunderstandings continue to arise related to the implementation of freedom of speech at the national level. This work attempts to correlate freedom of speech with restrictions on this freedom by states bound by security interests, morality and ethics. The article proposes an effective way to solve the problem of limiting freedom of speech and delimiting it from other freedoms: increasing the responsibility of states for violating human rights and freedoms by changing its form, and strengthening the jurisdiction of already existing international bodies for the protection of human rights, especially conventions.

Keywords: state, law, personality, standards, theory of law, practice, freedom of speech, human rights, restrictions, correlation.

Received 02.06.2021

Bezborodov Yu.S., Doctor of Law, Professor
Ural State Law University
Komsomolskaya st., 21, Ekaterinburg, Russia, 620137
Ural Federal University
Lenina st., 51, Ekaterinburg, Russia, 620000
E-mail: yury.bezborodov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5782-417X>